

2. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под общ. ред. И. В. Костиковой. М.: Аспект Пресс, 2005.
3. Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера как феминистская теория // Женщина. Гендер. Культура. Отв. ред. З. А. Хоткина и др. М.: МЦГИ, 1999. С. 46–65.
4. Ладькина Т. А. Феминизм в культуре постмодерна. Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2004.
5. Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: Ежегодник. 1997. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1998.
6. Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций / Под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: МЦГИ–МВШСЭН–МФФ, 2001.
7. Уэст К., Циммерман Д. Создание гендера: Пер. с англ. Е. Здравомысловой // Гендерные традиции: Труды Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН. Вып. 1. СПб., 1997. С. 94-120.
8. Goffman E. Gender display // Studies in the Antropology of Visual Communication. 1976. No. 3. P. 69 77.

Е. В. Белоусова
Екатеринбург

ИЗОБРЕТЕНИЕ ВЕСОВ: ВЗАИМОСВЯЗЬ МИФОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО В МИРЕ А. ПЛАТОНОВА

В конце романа «Счастливая Москва» в соседстве с одним из главных его героев Сарториусом произошла драма: некий красавец, старший монтер Костя Арабов, увлекшись бригадиршей, французской комсомолкой Катей «Бессонэ-Фавор», бросил свою прежнюю жену и двух сыновей восьми и одиннадцати лет, и старший мальчик «застрелился из оружия соседа» («заскучал и самостоятельно умер»). Как объяснил Сарториус потрясенной французской разлучнице: «природа более серьезна, в ней блага нет», ее не перехитришь, положил Костя на один конец рычага немного «бесплатного золота» любви прекрасной девушки, а для равновесия его понадобилась «целая тонна могильной земли, какая теперь лежит и давит мальчика».

В мире Платонова как будто все подчиняется некоему анонимному «закону сохранения», или может быть, более точно следует назвать его законом Возмещения. Это, конечно, еще не то божественное воздаяние, или последнее судилище — над грешниками, рабами суеты и тщеты жизни, как это мыслилось в проекте Н. Г. Федорова, но именно закон Возмещения, причем в явно сниженной форме — в виде вполне материального и почти механического обмена веществом — зачастую карикатурного, какого-то даже по-

родившего, профанируемого, но иногда, в противоположность, драматического.

В общей форме это можно сформулировать следующим образом: если в одном месте чего-то убавилось, то в каком-то другом месте что-то должно обязательно прибавиться, или быть замещено, причем не обязательно в точности тем же самым возможны разного рода трансформации. Это сходно со звучащими потешно (для современного уха) формулировками М. В. Ломоносова законов сохранения вещества и энергии. На эти два места, или «локуса» платоновского причинного отношения повествователь нарочито каждый раз и указывает. Причем связь двух формальных точек такого показного «квазилогического» закона, отправной и конечной, да и самого их содержимого — явно выдуманное, намеренно мистифицированная. Создается впечатление, что она зависит только от воли или даже просто от чьей-то прихоти (героев ли, автора ли, или же только господствующих — в умах автора или читателя — идеологических схем).

В 1919 г. молодой Платонов писал: «Человек — это вечный революционер, вечный созидатель на вечно разрушаемом. Наша сила, наша мощь — в нашей воле к всесовершенному знанию. Мы взорвем эту яму для трупов — вселенную, осколками содранных цепей убьем слепого дохлого хозяина ее — бога и обрубками окровавленных рук своих построим то, что начинаем строить только теперь...».

Иступленный, всепоглащающий порыв к ействию, «воюющую потребность в преобразовании мира» испытывают многие его герои. «Художественная вселенная» А. Платонова населена исследователями, инженерами, механиками, такими как Маркун («Маркун»), Вогулов («Потомки солнца»), Крицкопф («Лунная бомба»), П. Кирпичников и И. Матиссен («Эфирный тракт»), Петр Первый и инженер Вильям Перри («Эпифанские шлюзы»), Сарториус и Самбикин («Счастливая Москва»). Все эти люди осуществляют деятельность космического характера, затрагивающую самые фундаментальные, самые первоосновные законы и начала бытия.

Уже неоднократно отмечалась связь платоновского творчества с идеями так называемого русского философского и естественно-научного космизма, представленного именами Н. Ф. Федорова, Н. А. Бердяева, В. И. Вернадского, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и целого ряда других мыслителей и ученых. Их взгляды и представления оказались чрезвычайно важными духовными факторами, обусловившими не только характер мировоззрения, но и в известной мере содержание литературных произ-

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Государственного Университета

г. Екатеринбург

1318131

ведений Платонова. Поскольку в преобразовательной деятельности героев Платонова важное место занимает инженерно-техническая составляющая, интересно было бы рассмотреть понимание писателем роли и сущности техники. На наш взгляд, позиция понимания техники как выражения воли Платонова — идейна, близка позиции М. Хайдеггера. Теоретическая основа такой интерпретации имеется в работах М. Хайдеггера. По его версии, сущность техники следует искать вне версии ее создания и применения. Техника — не простое средство, а вид истинствования, и в этом смысле представляет собой произведение, то есть область выведения чего-либо из потаенности в открытость. Специфика современной техники раскрывается при помощи категории постава поскольку она не столько включается в природные процессы, сколько включает их в себя, и, таким образом, ставит себе на службу. Поскольку техника всегда сопутствовала человеку, готовность произвести нечто есть постоянно действующий фактор, а в технике воля к активному воздействию на мир получает вещественное выражение. В этом смысле техника есть овеществленная воля, а поскольку средства в структуре целепологания играют активную роль, то наличная техника в известном смысле способствует расширению сферы активности человека, постановке новых целей, требующих технического воплощения.

В творчестве А. Платонова сходные идеи выражены в мифопоэтической форме. Уже упомянутый выше Сарториус в начале романа «Счастливая Москва» — знаменитый инженер и механик, «расчетчик мирового значения». За товарищеским ужином механик Сарториус с увлечением говорит о «технике — истинной душе человечества», о будущем «техническом существе, практически, работой ощущающей весь мир», которое сменит нынешнее частичное, классовое существо, развивая однако при этом свое видение пролетарского мессианского сознания, и у него мифологически окрашенное: среди древних людей строителями и создателями были рабочие-циклопы, изуверченные аристократами, с выдвинутым глазом — в знак их вечного рабства, и вот «прошло три или четыре тысячи лет, сто поколений, и потомки циклопов вышли из тьмы исторического лабиринта на свет природы, они удержали за собой шестую часть земли, и вся остальная земля живет в ожидании их».

И Сарториус, и Самбикин с разных сторон решают одну задачу, вытекающую из их «заботы об окончательном устройстве мира». Сарториус работает с косным веществом, с железом, электричеством, предметами и силами природы и разными человеческими изделиями, выдумывая и реализуя новые умные и полезные вещи

для людей. Самбикин же внедряется в «тесное, неимущее устройство всего тела» человека, пытаясь изменить его — что оказывается пока неизмеримо *сомнительнее и неудобнее*. Оставленный Москвой, ушедшей от него и его любви «бесчисленную жизнь», Сарториус, жгуче тоскуя по ней «покинул большую дорогу техники и забыл свою славу механика, которая могла бы стать всемирной» — начал свой путь *нисхождения* ко все большей забвенности и анонимности. Пока в готовой к близкой ликвидации конторе, глуша свое нестерпимое чувство к Москве, он день и ночь изобретает новые весы для республики, предмет хотя и древнейший, но идейно центральный для системы, где каждому должно быть точненько отмеренно по его труду — «инструмент чести и справедливости, простая нищая машина, считающая и берегущая священное добро социализма, измеряющего пищу рабочего и колхозника в меру его творящего труда и хозрасчета», как в своем мессиански-социалистическом воодушевлении мыслит о нем Божко.

Уход в архаичное, мифологическое время оказался роковым для героев романа. Их воля, их порыв оказался проявлением какой-то безличностной силы.

С. Вейль в «Илиаде или поэме о Силе» рассуждает: «Истинный герой, истинная тема «Илиады», центральная тема ее есть Сила. Та Сила, которой пользуется, распоряжается человек, та Сила, пред которой плоть человека сжимается и цепенеет. Человеческая душа является в «Илиаде» подверженной деформации под воздействием Силы, беспомощно влекомой и ослепленной, согбенной под гнетом той самой Силы, которою человек надеялся располагать по своей воле... Тирания Силы над душой человека сравнима с тиранией голода, когда в его власти жизнь и смерть человека. Власть такая холодная и такая твердая, словно принадлежит она инертному веществу. Но как безжалостно она давит слабых, так же безжалостно, опьяняет Сила и мутит разум тех, кто обладает ею (или думает, что обладает). Никто не обладает ею на самом деле. Кара, которая со столь геометрической строгостью постигает всякое злоупотребление Силой, была для греков первейшим объектом размышлений. В ней средоточие греческого эпоса. Под именем Немезиды она — главная пружина действия в трагедиях Эсхила. Пифагорейцы, Сократ, Платон — все исходили из нее, чтобы мыслить о человеке и космосе. Идея возмездия становилась интимно знакомой всюду, куда проникал эллинизм. Вероятно, она продолжила жизнь под именем Кармы на Востоке, пропитанном буддизмом. Но Запад потерял ее и ни в одном из своих языков не имеет даже слова, адекватно ее выражающего. Идеи ограничения, меры,

равновесия, которые должны были бы определять жизненное поведение, не имеют ныне другого применения, кроме служебного и технического».

Христос говорил: «верующего в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14:12). Правда, в случае с платоновскими героями-преобразователями тут вся и загвоздка; у Христа сказано: «верующий в Меня», то есть действующий в потоках Божественной благодати, в соработничестве с Богом, а тут Божественная инстанция вовсе выпала (точнее была выбита из сознания научением эпохи) — отсюда это скучное томление, тоскливо-безнадежный фон «богооставленности», бытийственной безосновности, почти экзистенциальной заброшенности и абсурдности, на которой так малоубедительно взывают и опадают все онтологические дерзания героев.

К концу романа по существу остается только этот фон, «заунывный процесс неизменного существования». Если вначале там-сям пробивалась радостная, подъемная нота энтузиазма: молодые строители, непочатая энергия преобразования, мечты, взгляд вдаль — все сможем, то постепенно смертная жизнь, законы материально-физического мира скручивают всех, идет неуклонный процесс изживания себя, ухода от активной деятельности, забвенности, разочарования, упадка.

Какой значительный перепад начал и концов «Счастливой Москвы», имеющий отношение и к метафизике удела человеческого, и к ценностному освидетельствованию эпохи! Начальный взлет, энтузиазм, планы и дела, затем все большие вторжение и внешних смертоносных сил, и внутренних иррациональных. Все персонажи романа приходят к той или иной форме своего «падения»: калек — Москва, пройдя свои унижения и разочарования, вообще куда-то исчезает, Самбикин замирает в столбняке своей идеи-фикс, Божко женится на мещаночке Лизе, оставленной Сарториусом, сам Сарториус-Груняхин превращается в покорного подкаблучника своей несчастной жены — мегеры, Конягин покупает себе гроб, заранее готовясь к устранению в полное ничто.

Чаши Весов покачнувшись сравнялись. Мифологическое стремление к слитности, нераздельности, нерасчлененности, взяло вверх над прометеевским порывом к преобразованию мира.

1. Вейль С. «Илиада» или поэма о Силе // Новый мир. 1990. №6. С. 249—260.

2. Коваленко В. А. Творчество как ценность в мире А. Платонова // Вопр. филос. 1999. №10. С. 90—98.

3. Семенова С. Философские мотивы романа «Счастливая Москва» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Выпуск 2. По материалам второй Международной конф., посвященной 95-летию со дня рождения А. П. Платонова. 17–19 окт. 2004 г. М., 1995.

4. Федяев Д. М. Техника / Современный философский словарь. М., 2004. С. 713–717.

И. В. Белоусова
Нижний Тагил

ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Современная ситуация в России предполагает переоценку человеческой жизни, поскольку происходит утрата традиционных ценностей. Бессмысленность человеческого существования, связанного с его материальным обеспечением, сделала затруднительной естественную передачу культурно-исторического опыта от поколения к поколению. Все это непосредственно отражается на таких социальных институтах, как детский сад, школа, колледжи, вузы.

В связи с этим возникает проблема поиска культурологических оснований воспитания личности, потому что идеологический подход исчерпал свои возможности. Следовательно, перед нами стоит вопрос: какие культурные истоки выведут современную педагогику из кризиса?

Исследования ученых различных сфер науки показывают, что теория ценностей и педагогическая теория гуманного воспитания детей должна стать во главе образовательного пространства современной России. В отечественной педагогической науке, имеющей в своей основе черты личностно-ориентированного подхода, появились реальные научно-теоретические предпосылки для развития педагогики духовности, гуманистической педагогики.

Русский философ И. А. Ильин писал: «... самое важное в воспитании — это духовно пробудить ребенка и указать ему перед лицом грядущих трудностей, а может быть, уже подстерегающих его опасностей и искушений жизни — источник силы и утешения в его собственной душе. Надо воспитать в его душе будущего победителя, который умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое духовное достоинство и свою свободу, духовную личность, перед которой были бы бессильны все соблазны и искушения». Актуальность этих слов, написанных в начале XX столетия, подтверждается общей тревогой о воспитании гуманного человека.